УДК 811.161.1(038)

DOI 10.17516/2311-3499-056

ПРОБЛЕМА СТЕПЕНИ УНИКАЛЬНОСТИ НАЗВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Е.Г. Сидорова

В качестве исходного положения принимается определение лингвоэкологии как междисциплинарной науки, изучающей языковые явления как часть системы через призму коммуникативных потребностей носителей языка. Объектом проведенного исследования избраны географические имена собственные, номинирующие населенные пункты, – ойконимы. Введено понятие ойконимического пространства региона, представляющего собой совокупность закрепленных номинаций населенных пунктов, расположенных на определенной территории. Охарактеризованы основные факторы, нарушающие критерии экологичности названий населенных пунктов. Разработана и представлена шкала ойконимов в соответствии со степенью их уникальности в пределах региона, включающая четыре степени уникальности: максимальной степенью обладают собственно уникальные наименования; высокой степенью – однокоренные морфемно близкие наименования; средней степенью – сложные или составные ойконимы; низкой степенью характеризуются полностью идентичные, дублетные ойконимы. Обозначены зоны лингвоэкологического риска в ойконимическом пространстве Волгоградской области, связанные с возникающими противоречиями между стремлением к точности номинации и тенденцией к экономии речевых усилий. Продемонстрирована ущербность символических наименований населенных пунктов, не отражающих их возможную взаимосвязь с конкретными географическими объектами, а также неоправданность некоторых переименований, ведущих к нарушению принципа исторической преемственности.

Ключевые слова и фразы: лингвоэкология; эколлингвистика; культура речи; топонимия; ойконим; ойконимическое пространство региона; степень уникальности названия; зона лингвоэкологического риска; критерии экологичности онима.

THE PROBLEM OF THE DEGREE OF UNIQUENESS OF THE NAME OF THE SETTLEMENT IN THE LINGUO-ECOLOGICAL ASPECT

E.G. Sidorova

The definition of linguo-ecology as an interdisciplinary science that studies language phenomena as part of the system, as well as through the prism of the communicative needs of native speakers, is taken as the starting point. The object of the research is the geographical names proper, nominating settlements, – oikonyms. The concept of the oikonymic space of a region is introduced, which is a set of fixed nominations of settlements located in a certain territory. The main problems that violate the criteria for the ecology of the names of settlements are characterized. A scale of oikonyms was developed and presented in accordance with the degree of their uniqueness within the region, including four degrees of uniqueness: the unique degree itself has the maximum degree; high degree - single-root morphemic close names; medium degree - complex or compound oikonyms; completely identical, doublet oikonyms are characterized by a low degree. The zones of linguo-ecological risk in the oikonymic space of the Volgograd region are indicated, which are connected with the arising contradictions between the desire for accuracy in nomination and the tendency to save speech. Defectiveness of symbolic names of settlements, which do not reflect their possible relationship with specific geographic objects, as well as the unjustified nature of certain renames, leading to a violation of the principle of historical continuity, was demonstrated.

Keywords and phrases: *lingvoecology; ecolinguistics; a culture of speech; toponymy; oikonom; oikonymic space of the region; the degree of uniqueness of the name; linguo-ecological risk zone; onim environmental criteria.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00641 «Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: проблемы, противоречия и поиски решений»

Вводные замечания

Изменение научных парадигм исследования языка, произошедшее на рубеже XX–XXI вв., вывело на первый план необходимость междисциплинарного изучения языковых и речевых фактов, в том числе в лингвоэкологическом аспекте. На сегодняшний день признается совершенно справедливым утверждение Н.Н. Панченко о том, что «о лингвоэкологическом направлении (“эколингвистике”) можно говорить не в терминах гипотетического будущего времени как о лакуне в лингвистике, а как о научной отрасли, заявившей свои права на самостоятельное существование и занявшей определенную лингвистическую нишу» [Панченко 2012: 124–125]. При этом, несмотря на достаточно интенсивные исследования языка с точки зрения экологичности его единиц, предпринятые в последние десятилетия целым рядом ученых, до сих пор сохраняется некоторая неопределенность как в трактовке центральных понятий этого направления, так и в особенностях подхода к анализу тех или иных фактов с точки зрения лингвоэкологии.

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русский речи» понятия лингвоэкологии и эколингвистики отождествляются (это отражено в тематическом указателе словарных статей), при этом лингвистическая экология, или лингвоэкология, трактуется как «направление, или аспект, лингвистических исследований в области культуры языка и речи, предмет которого можно определить как проблематику языковой среды в ее динамике, прежде всего проблематику языковой и речевой деградации (изучение факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематику языковой и речевой реабилитации (изучение путей и способов обогащения языка и совершенствования социальной практики общения на данном языке)» [Сковородников 2007: 293]. Говоря о зоне пересечения эколингвистики и культуры речи, А.П. Сковородников отмечает, что «эти дисциплины не просто “родственники”, а “родные сестры”. У них есть общее предметное поле – проблематика нормы. В то же время эти “сестры” смотрят не совсем в одну и ту же сторону. Если культура речи сосредоточивает свое внимание на вопросах оптимальной организации речи, ее коммуникативной эффективности и соответствующих компетенциях языковой личности, то эколингвистика – на условиях и факторах благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы» [Сковородников 2013: 208].

Дальнейшие исследования постепенно привели к необходимости разграничения трактовавшихся как синонимы понятий «эколингвистика» и «лингвоэкология». По мнению В.П. Коровушкина, первый из этих терминов целесообразно «закрепить за тем разделом лингвистической науки, в котором в качестве исходного принимаются лингвистические факты – языковые знаки; и, напротив, термин “лингвоэкология” следовало бы закрепить за тем разделом экологической науки, в котором в качестве исходного принимаются экологические факты, воздействующие на функционирование языковых знаков» [Коровушкин 2011: 62]. Показательно, что эта попытка разграничения терминов не учитывается самим исследователем при определении им соответствующего научного направления. О существенном различии терминов «экология языка» и «языковая экология» пишет С.В. ИONOва. По ее мнению, «экология языка метафорически переносит на язык экологические понятия (экология, окружение, среда, экосистема и др.), расширяя метаязык и проблематику лингвистических изысканий за счет терминологии, методологических принципов и методики исследования науки экологии. <...> ...средством научного описания становятся понятия экологии, наиболее ярко демонстрирующие возможность

изучения языка как любого другого организма, который взаимодействует со средой и иногда нуждается в защите от ее активного влияния; а языковая экология предполагает исследование языковых и речевых фактов «с точки зрения их “экологичности” для человека и общества, исследуется роль языка в описании проблем окружающего мира, выявляются пути их устранения» [Ионова 2011: 190]. А.П. Сковородников в Предисловии к «Словарю лингвоэкологических терминов», суммируя имеющиеся определения, соотносит и разграничивает не только термины «лингвоэкология» и «эколингвистика», но и «экология языка» и «язык экологии»: «Термин “лингвоэкология” соотнесен со значением словосочетания “экология языка” и, таким образом, свидетельствует, что в этой науке целью и предметом исследования являются условия существования языка, попросту говоря, забота о здоровье языка. <...> Термин же “эколингвистика” соотнесен со значением словосочетания “язык экологии” и таким образом свидетельствует, что здесь мы имеем дело с лингвистикой экологии, изучающей специфику науки экологии, прежде всего ее терминологический аппарат» [Сковородников 2017: 6]. Разделяя данную точку зрения, условимся в дальнейшем понимать сущность лингвоэкологического аспекта как исследование языковых и речевых фактов в их взаимодействии с окружающей средой и коммуникативными потребностями носителей языка.

Материал и задачи исследования

Объектом исследования избраны географические имена собственные, служащие для номинирования населенных пунктов, – ойконимы. А.В. Суперанская, говоря о высокой степени изученности имен названий поселений, констатирует, что «основное внимание уделялось топоосновам и главным образом в плане истории возникновения названий в связи с историей заселения края. Морфологический и этимологический анализы, сопровождающие исторический и отчасти этнографический, также служили главным образом социально-историческому аспекту» [Суперанская 2007: 158–159]. Современные исследователи находят новые аспекты и пути изучения географических имен собственных. Так, Д.Ю. Ильин описывает региональный топонимикон, понимаемый им как «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [Ильин 2012: 64], через создание лингвоэкологического портрета региона, поскольку такой подход, как отмечает ученый, «позволяет изучать этот феномен с учетом возможности создания для носителя языка “комфортной” языковой среды» [Ильин 2018: 101].

Поскольку предметом исследования избраны ойконимы, одним из наиболее значимых для нас является понятие ойконимического пространства региона, представляющего собой совокупность закрепленных номинаций населенных пунктов, расположенных на определенной территории. Волгоградская область в настоящее время включает 1494 поселения. Анализ соответствующих ойконимических единиц в контексте общих лингвоэкологических изысканий представляется актуальным, так как способствует определению степени удовлетворенности носителей языка сложившейся совокупностью подобных онимов.

Лингвоэкологические задачи применительно к данному объекту исследования связаны с поиском противоречий, существующих между языковой системой и коммуникативными потребностями людей. По нашему мнению, наиболее существенным следует признать противоречие между предполагаемой уникальностью ойконима, обусловленной тем обстоятельством, что имена собственные прежде всего призваны выделять единичные объекты из ряда подобных, и его стандартностью, предопределенной общей ментальной основой, связанной с историко-культурными традициями народа, его верованиями и бытовым опытом. А.В. Суперанская рассматривает общность мотивировок собственных имен как ономастическую универсалию. Применительно к географическим онимам она выделяет в качестве мотивировок именований «первичные нарицательные, характеризующие разновидность объектов, их местоположение, производимое ими впечатление, события, с ними связанные, назначение или

основное использование их, отношение одного объекта к другому, именованная лиц, так или иначе связанных с данной местностью, культовое или идеологическое назначение объекта, <...> символические именованная, данные в честь идей, исторических событий, а также в честь деятелей современности, безотносительно к данным конкретным объектам» [Суперанская 2007: 245]. Следствием общности мотивационных признаков, зафиксированных в именах собственных, можно считать появление совпадающих наименований поселений.

Лингвоэкологические проблемы в ойконимическом пространстве Волгоградской области

Нами разработана шкала уникальности названия поселения в пределах региона, в соответствии с которой выделяются несколько ее степеней: 1) максимальной степенью характеризуются собственно уникальные ойконимы (*Абганерово, Курнаевка, Чистополь*); 2) высокой степенью обладают однокоренные морфемно близкие наименования (*Карпов, Карповка, Карповский; Волжский, Заволжский, Приволжский; Родники, Роднички, Родниковский*); 3) средней степенью уникальности характеризуются сложные или составные ойконимы с совпадающим опорным компонентом, который может функционировать и в качестве отдельного наименования (*Новоольховка, Мокрая Ольховка, Ольховка; Белореченский, Верхнереченский, Нижнереченский, Старореченский, Чернореченский, Реченский; Погожья Балка, Прямая Балка, Старая Балка*); 4) низкой степенью уникальности обладают полностью идентичные ойконимы (в Волгоградской области существуют несколько населенных пунктов *Горная Поляна, Ендовский, Журавка, Рассвет* и др.). Показательно, что 115 ойконимов номинируют 283 населенных пункта, т.е. почти 20% ойконимов регионального топонимикона характеризуются низкой степенью уникальности. Самым частотным оказался ойконим *Попов* – такое название закреплено за 8 хуторами области, 6 хуторов называются *Ольховский*, 5 поселений – *Степной*, по 4 поселения – *Березовка, Журавка, Зеленый, Красноярский, Первомайский, Песчанка*. Как правило, тождественные названия закреплены за населенными пунктами, расположенными в разных районах Волгоградской области, что позволяет им в определенной мере выполнять адресную функцию: например, хутор *Долговский* есть в Алексеевском, Кумылженском и Урюпинском районах Волгоградской области, а значит, сообщение, отправленное по адресу *Волгоградская область, Кумылженский район, хутор Долговский*, должно дойти до получателя. Между тем специфика ойконимического пространства региона проявляется в том, что тождественные наименования закрепляются даже за поселениями на территории одного района. Так, в Алексеевском районе существует два хутора *Яминский*, по два хутора *Ольховский* зафиксировано в Алексеевском и Урюпинском районах. В таком случае адрес *Волгоградская область, Урюпинский район, хутор Ольховский* перестает быть уникальным. Сам факт наличия ойконимов с низкой степенью уникальности в пределах региона свидетельствует о неэкологичности подобных онимов, поскольку критерии экологичности / неэкологичности слова «предполагают полноценность выполнения языком его функций, прежде всего номинативной, коммуникативной и когнитивной (мыслительной) при безусловном соответствии языковых единиц, высказываний и текстов языковым и речевым нормам, этико-эстетическим категориям морали и прекрасного» [Сковородников 2017: 102]. В этой связи вряд ли, например, ойконим *Рассвет* способен выполнить важнейшую для него идентифицирующую, адресную функцию даже в ойконимическом пространстве Волгоградской области, если принять во внимание, что в данном регионе зафиксировано 4 поселка с таким названием, а всего по стране 12 деревень, 29 поселков, 9 сел и 4 хутора носят название *Рассвет*. Ойконим *Журавка* в Волгоградской области закреплен за 4 поселениями, а всего на территории РФ 13 населенных пунктов носят такое же название. По-видимому, желанием избежать полной дублетности в номинации можно объяснить существование таких ойконимов, как *Журавка-Первая* и *Журавка-Вторая* в Прохоровском районе Белгородской области, *Большая Журавка* в Саратовской области, *Русская Журавка* в Воронежской области и *Тихая Журавка* в Ростовской области. Однако использование составных и номерных ойконимов,

как мы уже отмечали в [Сидорова 2015: 160–162], в большинстве случаев не способствуют экологичности онима.

Между тем не только названия населенных пунктов с низкой степенью уникальности в пределах региона не отвечают критериям экологичности. Как правило, неэкологичны ойконимы со средней степенью уникальности. Подобные онимы способствуют созданию зон лингвоэкологического риска, когда возникают противоречия «между тенденцией к точности выражения мысли и тенденцией к экономии речевых усилий» [Сковородников 2017: 72]. На территории Волгоградской области зафиксированы села *Верхний Балыклей*, *Горный Балыклей* и *Нижний Балыклей*, их жители соответственно называются *верхнебалыклейцы*, *горнобалыклейцы* и *нижнебалыклейцы*. Подобные катаяконимы громоздки и в силу этого не очень востребованы в реальной речевой практике. Носители языка для номинирования жителей этих сел чаще выбирают более короткую лексему *балыклейцы*. Ср.: *Верхний Балыклей отметил юбилейный день рождения. 60 лет назад переселились балыклейцы на новое место* (Коммунар, 19.09.2017); *Начало лета для всех жителей Горного Балыклея было ознаменовано приятным событием. В центре села был установлен фонтан, и со 2 июня он стал действующим. Этого события балыклейцы ждали и готовились к нему* (Сельская Новь, 14.04.2019); *Жили мы, нижнебалыклейцы, дружно, красные дни календаря отмечали все вместе в клубе* (Волг. правда, 09.11.2016). Таким образом, если предшествующий контекст не содержит ойконима, по катаякониму *балыклейцы* невозможно точно установить, о жителях какого населенного пункта идет речь. Еще больше осложняет ситуацию наличие в ойконимическом пространстве Волгоградской области трех поселений *Добринка*, одного *Новодобринка*, двух *Верхняя Добринка* и двух *Нижняя Добринка*, поскольку жителей всех этих населенных пунктов, как правило, называют *добринцами*: *На престольный праздник в день Михаила-архангела добринцы собрались у камня на праздничный молебен во славу казачества и всех жителей станицы, который провел благочинный Урюпинского округа иерей Алексей Маслов* (Волг. правда, 22.11.2013); *Добринцы, которые были настроены весьма позитивно, благодарили губернатора за своевременную помощь, отметив, что только оперативность с доставкой шифера помогла им своевременно закрыть пробоины в крыше и защитить домашнее имущество от проливных дождей* (Волг. правда, 09.08.2011). Только посредством привлечения широкого контекста становится понятным, что в первом примере речь идет о жителях станицы *Добринка* Урюпинского района, а во втором – о жителях сел *Верхняя Добринка* и *Нижняя Добринка* Камышинского района. В Волгоградской области насчитывается 164 ойконима со средней степенью уникальности, что позволяет говорить о значительной зоне лингвоэкологического риска.

А.П. Сковородников одной из экологически значимых проблем считает «проблему идеологических речевых штампов, связанную с мифологизацией общественного сознания» [Сковородников 2013: 209]. Применительно к топонимике эта проблема проявляется в двух аспектах. Во-первых, большому числу населенных пунктов присваиваются символические названия, причем без учета их возможной связи с теми или иными географическими объектами. В результате только ойконимическое пространство Волгоградской области включает два поселка *Восьмое Марта*, три поселка *Красный Октябрь*, два поселка и одно село *Путь Ильича*, три поселка и два хутора *Первомайский*. Само собой разумеется, что, если говорить о подобных ойконимах, зафиксированных на территории всей страны, проблема дублетных наименований, никак не отражающих регионально значимых признаков, приобретает поистине глобальный масштаб. Так, только поселений *Красный Октябрь* в РФ насчитывается 55 (12 деревень, 2 поселка городского типа, 5 сел, 30 поселков и 6 хуторов). Еще более распространено название *Первомайский* (-ая, -ое): в стране официально зафиксировано 276 поселений с таким названием (23 деревни, 1 станица, 6 поселков городского типа, 52 села, 167 поселков и 27 хуторов). Во-вторых, ущербность географических наименований, по А.П. Сковородникову, проявляется в таких «топонимических наименованиях и переименованиях, которые травмируют историческую память народа и/или являются отражением межпоколенческих мировоззренческих противоречий» [Сковородников 2017: 254]. Развивая эту мысль, ученый пишет: «Особенно опасны такие

переименования тогда, когда сменяемое имя является национальным символом, за которым закреплён конструктивный миф, идеологема, необходимая для сплоченности народа и его позитивного самоощущения. <...> Например, вряд ли можно считать оправданным (во всяком случае так думают многие россияне) переименование города Сталинграда в Волгоград, несмотря на то, что “Волгоград” вполне благозвучное и географически оправданное название. Дело в том, что топоним “Сталинград” стал символом несгибаемого мужества и подвига нашего народа в Великой Отечественной войне и встал рядом с таким символическим словом, как Победа. Переименования топонимических объектов, нарушающие принцип исторической преемственности, ведут к стиранию исторической памяти народа, к своего рода “топонимическому манкуртизму”» [Сковородников 2017: 254–255].

Заключение

Признавая лингвоэкологию в качестве междисциплинарной науки, изучающей языковые и речевые явления как часть системы, в том числе через призму коммуникативных потребностей носителей языка, разделяем точку зрения А.А. Бернацкой, обозначившей высшую цель лингвоэкологии как «сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства» [Бернацкая 2014: 28].

Система географических имен собственных оказывается в фокусе лингвоэкологических исследований, поскольку «номинация, или называние, – это процесс, постоянно сопутствующий познанию человеком окружающего мира» [Суперанская 2007: 236], а следовательно, совокупность подобных онимов должна способствовать, с одной стороны, адекватному выполнению ими идентифицирующей функции, а с другой – отвечать определенным критериям экологичности.

Анализ совокупности зафиксированных на территории Волгоградской области наименований поселений, определяемой нами как ойконимическое пространство Волгоградской области, показал неэкологичность почти 20% названий населенных пунктов вследствие низкой степени их уникальности. Кроме того, отмечены зоны лингвоэкологического риска, а также ущербность наименований и переименований ряда ойконимов. Соглашаясь с мнением А.П. Сковородникова о том, что «в современной отечественной практической топонимике масса несуразностей и противоречий» [Сковородников 2013: 215], констатируем необходимость внесения определенных коррективов в ойконимическое пространство Волгоградской области, поскольку от того, насколько точна и понятна носителям языка система номинации населенных пунктов, зависит эффективность ее функционирования в человеческой деятельности, а в конечном итоге и ее способность фиксировать и сохранять уникальную информацию в истории этнографии.

Литература

Бернацкая А.А. Лингвоэкология и «критика языка» [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 15–31. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A..pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

Ильин Д.Ю. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 408 с.

Ильин Д.Ю. Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: критерии описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2018. Т.17. №3. С. 99–107.

Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2011. №1. С. 190–197.

Коровушкин В.П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной области языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т.1. №8. С. 60–64.

Панченко Н.Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации // Научный диалог. 2012. № 12. С. 124–135.

Сидорова Е.Г. Лингвоэкологические проблемы топонимического пространства региона [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С.157–166. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Sidorova-E.G..pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

Сковородников А.П. Лингвистическая экология // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2007. С.293–294.

Сковородников А.П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 205–233. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/A.P.-Skovorodnikov.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 368 с.

Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А.П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2017. 384 с.

References

Bernackaja A.A. Lingvojekologija i «kritika jazyka» [Lingvoecology and “criticism of language”]. *Ekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, 2014, no 2, pp.15–31. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Bernatskaya-A.A..pdf> [accessed 12.04.2019].

Il'in D.Ju. Toponimicheskaja leksika v tekstah regional'nyh gazet konca XIX–nachala XXI veka: dinamicheskie process [Toponymic vocabulary in the texts of regional newspapers of the late XIX–early XXI century: dynamic processes]. Volgograd, VolGU Publ., 2012. 408 p.

Il'in D.Ju. Lingvojekologicheskij portret regional'nogo toponimikona: kriterii opisaniya [Lingvo-ecological portrait of a regional toponymic: description criteria]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Jazykoznanie*, 2018, vol.17, no 3. pp. 99–107.

Ionova S.V. K voprosu o priznakah jekologichnosti tekstovoj kommunikacii [On the issue of signs of environmental communication in text communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Jazykoznanie*, 2011, no 1, pp.190–197.

Korovushkin V.P. Osnovnye atributy lingvojekologii kak avtonomnoj mezhdisciplinarnoj oblasti jazykoznanija [The main attributes of linguo-ecology as an autonomous interdisciplinary field of linguistics]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, vol.1, no 8, pp.60–64.

Panchenko N.N. Pravda i iskrennost' v jekologichnoj / nejekologichnoj kommunikacii [Truth and sincerity in eco-friendly / non-ecological communication]. *Nauchnyj dialog*, 2012, no 12, pp. 124–135.

Sidorova E.G. Lingvojekologicheskie problemy toponimicheskogo prostranstva regiona [Linguo-ecological problems of the toponymic space of a region]. *Ekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, 2015, no 2, pp. 157–166. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/12/Sidorova-E.G..pdf> [accessed 12.04.2019].

Skovorodnikov A.P. Lingvisticheskaja jekologija [Linguistic Ecology]. *Kul'tura russkoj rechi: Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary-Reference] / pod red. L.Ju. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shirjaeva i dr. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2007, pp. 293–294.

Skovorodnikov A.P. O predmete jekolingvistiki primenitel'no k sostojaniju sovremennogo russkogo jazyka [On the subject of ekolinguistics with reference to the state of the modern Russian language]. *Ekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, 2013, no 1, pp. 205–233. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/A.P.-Skovorodnikov.pdf> [accessed 12.04.2019].

Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [General theory of proper name]. Moscow, LKI Publ., 2007. 368 p.

Jekologija russkogo jazyka. Slovar' lingvojekologicheskikh terminov [Ecology of the Russian language. Dictionary of linguistic ecological terms] / avt.-sost. d-r filol. nauk, prof. A.P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2017. 384 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сидорова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики

Волгоградский государственный университет

Россия, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100

E-mail: eg_sidorova@volsu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sidorova Elena Genad'evna, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, of Department of Russian Philology and Journalism

Volgograd State University

100, Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062 Russia

E-mail: eg_sidorova@volsu.ru